Алексей Борисов

Долгая дорога домой

18+

Алексей Борисов

Долгая дорога домой

«Автор»
2018

Борисов А.

Долгая дорога домой / А. Борисов — «Автор», 2018

Как зарождается любовь, если против нее все: драматическая разница в возрасте, материальном положении, страх инцеста? И что делать двум сердцам, когда окажется, что все преграды, разделяющие их, пали? Об этом в грустной и смешной повести о взаимном воспитании чувств, где наивная хитрость соседствует с отчаянной самоотверженностью, а жажда обрести счастье – с боязнью оказаться недостойным его.

© Борисов А., 2018
© Автор, 2018

Алексей Борисов
Долгая дорога домой

Денег, заработанных за 20 лет работы на «северах», хватило как раз на то, чтобы купить квартиру-«однушку». Родной город предложил бывшему полярнику должность методиста на станции юных натуралистов. Теоретически, вместе с пенсией, зарплаты должно хватить на существование. Потекла тихая, спокойная, размеренная жизнь – та самая, о которой так мечталось во время бесконечных арктических зимовок, экспедиционных скитаний и прочих передряг моей прошлой бродячей жизни.

На работу ходил пешком (всего-то два шага). Путь пролегал по территории местного вуза – того самого, в котором когда-то учился сам. Я не сентиментален, и ежедневные погружения в сутолоку студенческого быта служили для меня всего лишь еще одним подтверждением тривиальной мысли о неизбежности возврата «на круги своя». Целая жизнь с ее бурями, метаниями, поисками, опасностями пролетела, как единый вздох, а здесь ничего не изменилось.

Дошло до того, что заметил за собой странную, на первый взгляд, привычку: проходя по университетскому двору, рефлекторно киваю некоторым студентам. Даже поразился: с какой бы стати?

Но, размышляя по дороге над этой странностью, неожиданно для себя понял, что просто-напросто узнаю некоторых молодых людей и девушек! Что они мне знакомы!

Тут же сообразил, что знакомы мне, конечно, не сами студенты, а их родители; что это – сыновья и дочери бывших однокурсников и однокурсниц, с которыми я когда-то учился вместе, других моих знакомых. И пока я шатался по «северам», они давно переженились и повыходили замуж, у них родились и выросли дети и поступили в тот же самый вуз, где учились их родители.

Эта догадка мне так понравилась, что я даже придумал своеобразную игру: проходя по университетскому двору, начал, вглядываясь в лица встречной молодежи, гадать, кто чьим сыном или дочерью мог бы быть? На кого из моих сверстников они похожи? «Вот этот мог бы быть сыном Пашки Емельянова» «Вот этот как две капли воды похож на Костю Платова…»

А потом меня постигло потрясение: как обычно, развлекаясь своей забавой, я торопился с утра на работу, и навстречу мне, подбрасывая затянутыми в искрящиеся колготки коленками полы пальто, шла она – точная моя копия двадцатилетней давности. Я даже не сообразил сразу, кого я в этой девушке узнал, и лишь шагов через пять ошеломленно обернулся, чтобы увидеть теряющуюся в студенческом потоке спину.

Неужели?! Этого не может быть! Один-единственный случай, один-единственный!

… Это случилось в конце четвертого семестра, на дымной, пьяной студенческой вечеринке в общежитии. Танцы в крохотной, насквозь прокуренной комнатушке, дребезжащая музыка из разбитого магнитофона, горячее, плотное и аморфное, словно плавленый сырок, тело, прижимающееся в затяжных пассах медляка, и неистовое, почти истеричное, пубертатное желание – нет, не любви и даже не секса, а избавления от собственной застарелой невинности, доказательства чего-то и кому-то неизвестно зачем!

Потом моя партнерша ушла курить, и я потащился за нею следом. Мы стояли на холодной лестничной площадке, она затягивалась длинной тонкой сигареткой и о чем-то говорила с подругой. Я не курил и неловко молчал. В те годы я был очень серьезным, малоконтактным юношей, помешанном на экзистенциалистской зауми, запавшей в голову на лекциях по философии. Девушек попросту пугался, от самых невинных попыток заигрывать со мной шарахался, как конь Александра Македонского от собственной тени. До той самой пьяной ночи…

Все уже знали, что меня отчисляют: из-за увлечения Кьеркегором и Со образовались хвосты по базовым предметам. На Кавказе шла война, и у меня были хорошие шансы загреметь в армию. И не вернуться.

Подруга моей партнерши по танцам внезапно замолчала, и та, раздавав в пепельнице-консервной банке окурок, как-то слишком обыденно бросила мне: «Пойдешь со мной?»

И я шел вслед за ней по полутемному общежитскому коридору, следил мутноватым от алкоголя взглядом за светлыми полосками, мельтешащими между подолом платья и голенищами ее сапог, и размышлял о том, зачем она носит дурацкие сапоги-чулки, так уродски обтягивающие икры? С чего это все девчонки помешались на этой идиотской обуви, так подчеркивающей недостатки женских ног?

Слегка растерялся, когда она остановилась у незнакомой двери в стороне от дребезжащей магнитофонными звуками танцевальной комнатушки, и стала отпирать ее невесть откуда взявшимся ключом. Шагнул следом – в тусклом свете ночника в глаза бросилась смятая постель, наполовину опорожненная бутылка водки на столе, несколько измазанных маслом корок хлеба рядом с нею. Понял, что не одного меня сегодня провожают в армию. Начал раздеваться, почти как на медкомиссии.

– А мы что, не выпьем? – поинтересовалась «подруга дней моих суровых», и, разливая водку, я отчетливо слышал дребезжание горлышка бутылки о край стакана. Хотела ли она меня?

Только потом, когда все уже было кончено, заметил, что девушка так и не сняла сапог, и теперь лежит, запутавшись массивными подошвами-платформами в скомканной простыне, и впившаяся в кожу верхняя кромка голенищ лишь подчеркивает мосластость некрасиво выпирающих коленок…

После армии восстанавливаться в вузе так и не стал. Пока служил, родители разошлись; отец привел в дом молодую женщину, мать уехала к родне в Екатеринбург. Туда и рванул сразу после дембиля. Собирался обустроиться, поступить на философский факультет тамошнего универа. Но, сидя в ожидании самолета в аэропорту Кольцово, пристроился играть в карты с какими-то мужиками. В результате пришлось записаться чернорабочим в шабашную бригаду, отправляющуюся подкалымить на южные берега северных морей.

С тех пор миновало более двадцати лет. Север меня захватил. Я остался. Шатался с геологами по тундре и тайге, работал на полярной станции, участвовал в арктических экспедициях. Поступал учиться заочно на биофак, жил бурно, полнокровно, интересно, напряженно. Но все хорошее когда-то кончается. Звезд с неба схватить не сумел, а в качестве трудяги-коняги пришла пора дать дорогу молодым. Что делать: для полярника сорок с гаком лет – пенсионный возраст! Приходится возвращаться в обычную, обыденную жизнь – как шторм выбрасывает на берег разбитый баркас – со снесенными мачтами, проломленными бортами, хлюпающей в трюме водой. Без надежд, без будущего…

Не скажу, чтобы одиночество чрезмерно тяготило меня. Но, с другой стороны, осознание того, что впереди нет ничего, кроме монотонных буден, километров съеденной лапши «Роллтон», сотни-другой просмотренных телефильмов и нескольких тысяч разгаданных шахматных задач, не грело.

И вот теперь… Я не знал, верить ли мне своим глазам? Может, только показалось? Привиделось? А если нет? И у меня – отшельника, сухаря, мизантропа – взрослая дочь? Симпатичная, умная, чудесная девушка?

А что, если произошедшее тогда, в общежитии, не было случайностью, формальной данью уходящему в армию неприкаянному однокурснику, а чем-то большим? Может, та девушка, мельтешившая светлыми полосками чулок между подолом платья и голенищами сапог, сошлась со мной не случайно? В конце концов, выносила же она под сердцем моего ребенка?

Я даже не помню толком, как ее зовут. Кажется, Оля. Или, может, Галя? В тот вечер я так испугался того, что между нами произошло, механического примитивизма, в который воплотились самые сокровенные желания, что слинял с вечеринки. Точнее говоря, сбежал прямо из той полутемной комнаты со смятой постелью и недопитой бутылкой водки на столе. Мне было страшно стыдно перед девушкой за то убожество, в которое воплотил мои мечты, за то, каким я был неловким, неумелым, угловатым. Унижено лепетал что-то про больную бабушку, которая непременно умрет, если я немедленно не вернусь домой, и она равнодушно слушала меня, глядя сквозь синеву сигаретного дыма куда-то в сторону, и даже не пыталась поправить платье, откровенно и как-то особо похабно сбитое к поясу. Так и убежал, не узнав ни ее имени, ни на каком факультете она учится. Не простившись, и лишь бормоча одни только бессмысленные извинения.

Интересно, вышла ли она замуж? Конечно, девчонка она была разбитная, броская. Но, с другой стороны, кому нужна «невеста» с «приданным»? Тем более, в стране, где «по статистике на десять девчат» не девять, а уже семь или шесть ребят – остальные спились, скурились или «мотают сроки»? Нет, кажется, все-таки ее звали Верой… Какая же я все-таки скотина! Не помню даже имени той, которая…

И узнать теперь нет никакой возможности. Блокнот с телефонами однокурсников, который я первые годы полярного жития-бытия хранил в качестве реликвии, покоится где-то на дне Карского моря вместе со всем тем барахлом, что громоздилось в складской палатке на расколовшейся льдине. Адресов не помню, да и к чему? Все, наверное, поразъехались! Столько лет прошло! Да и о чем я мог спросить, если бы встретил кого-либо из былых товарищей студенческой поры? «Братан, а ты случайно не помнишь, как звали ту телку, которая ненароком переспала со мной на вечеринке под занавес второго курса?»

Но если ребенок взаправду мой… Если она еще помнит меня… У меня же может быть своя семья! Появится какая-то осмысленность в этой жизни! Может, даже преданная, любящая женщина, живые заботы, человеческие радости, тревоги, обязанности не только перед «будущим всей страны», но и перед конкретными людьми, близкими и родными, перед вот этой девчонкой, что попалась мне на глаза среди университетского двора, наконец…

Интересно, сильно ли эта Вера-Галя-Оля изменилась? В институте была справной, крепкой, словно маринованный грибок. Такие девушки с годами, как правило, неплохо сохраняются. Тем более, сейчас, когда у женщин есть масса возможностей следить за собой – косметика, тренажерные залы, – многие в сорок лет смотрятся, как двадцатилетние…

Я представил себе ее, бегущую мне навстречу, ее голову с растрепанными волосами, прижатую к моему плечу – ведь может быть и так! Во времена моей молодости стареющие женщины красили волосы хной, и я почти явственно увидел рыжизну ее волос с отчетливой сединой у корней, затем запрокинутое, опухшее от слез лицо, милые вертикальные складки у губ… И вдруг понял, что толком даже не помню, как она выглядит. Если встречу – узнаю, но так просто, абстрактно, представить ее себе не могу!

Господи, да о чем это я? Один случайный взгляд, мелькнувшее виденье! А я – старый балбес – уже размечтался, настроил воздушных замков!

С другой стороны, может ли возникнуть ни с того, ни с сего подобная схожесть? Что говорят по этому поводу менделевские схемки? Теория вероятности? Впрочем, зачем ломать голову? «Теория, мой друг, суха, лишь древо жизни вечно зеленеет!» Надо просто пойти после обеда, когда кончится третья пара, к университету и отыскать ту девушку!

Глупость, конечно. Но, с другой стороны, что я теряю? Полчаса своего досужего, бесцельного времени? Какие у меня еще есть варианты? Тупо сидеть в кабинете станции юных натуралистов в окружении морских свинок, попугаев и фикусов? Пойти домой и отмерить очередные два-три метра лапши из пластиковой коробки? Уставиться потом до десяти вечера в очередной телесериал и благополучно завалиться спать?

Короче говоря, в тот день с часу до трех дня я шатался по территории вуза, украдкой вглядываясь в лица выходящих из корпусов девушек. Разумеется, нужную мне не встретил. Но меня это не обескуражило. Сразу найти одну-единственную среди пяти или шести тысяч студенток, учащихся в нашем университете, было бы чрезмерной удачей. Просто надо подойти к делу с должной настойчивостью и методичностью.

На следующее утро я с двойной энергией прочесывал вузовскую территорию – в конце концов, моя теперешняя трудовая деятельность вовсе не принадлежала к тому типу, который требовал постоянного присутствия на рабочем месте.

К концу недели студенты начали здороваться со мной: моя плотная фигура в кургузой куртке примелькалась, и меня, верно, принимали за нового преподавателя. Девушка-клон, правда, на глаза так и не попалась. Однако, ввязавшись в какое-либо дело, не имею привычки отступать. Просто знаю, если пасовать перед трудностями, то ничего и не добьешься – на Севере к пониманию этой простой истины приходишь быстрее, чем где бы то ни было.

Хотя, если вдуматься, какой результат могут дать мои поиски? Ну, встречу ее – что скажу? «Здравствуйте, я ваш папа»?

Но, с другой стороны, у меня появится хоть какая-то ниточка к той Оле-Гале-Вере! Мне вовсе не обязательно затевать с ее дочерью разговор, достаточно будет просто проследить за нею, узнать, где она живет, и, значит, живет моя мимолетная любовь, мой шанс на семью, заботу, счастье!

Как-то она меня встретит? «Здравствуй, я тебя так долго ждала!» Или нет? Будет отчужденной, враждебной?

Я сумею растопить ее недоверие! Я физически чувствую под сердцем такую тяжесть нерастраченной нежности, ласки, тяготения к человеку, которого я мог бы назвать родным, что она непременно ощутит эту силу, эту тоску внутри меня, и не сможет прогнать!

А если она все-таки вышла замуж? И у нее благополучная, устроенная жизнь? Упакованная, навороченная, раскрученная – как там еще сейчас принято говорить? В которой нет места странноватым полунищим чудакам, привидениям из прошлого?

Конечно, я даже не сделаю попытки разрушить ее семью. Отступлю в сторону. Исчезну. Действительно, что я могу предложить женщине – не конкретно Оле-Гале-Вере, а любой? Мизерный оклад, захламленную ракушками всех видов и мастей квартиру, стариковские россказни о полярных зимовках и чудесах северного сияния?

Но хотя бы с дочерью-то она мне позволит видеться?

Конечно, эти соображения меня слегка расхолаживали, да и первый запал от встречи с «ребенком-клонёнком» пропал. Надо полагать, данное приключение рано или поздно было бы оставлено мною без последствий – в конце концов, сколько же можно шататься по морозу между вузовских корпусов?

К следующим выходным я уже свел свои изыскания к обычным утренним прогулкам по университетскому двору по пути на работу. В понедельник даже забыл, что надо повнимательнее всматриваться в лица встречных девиц. Но удача имеет свойство приходить нежданно-негаданно. Спустя ровно две недели, точно на том же месте, я вновь встретил столь похожую на меня девицу.

Это опять был шок. Как загипнотизированный, я развернулся и пошел за ней следом. Никакой ошибки быть не могло: мой короткий прямой победоносный «норманнский» нос, мои широко расставленные глаза, мой высокий, куполообразный свод черепа! Даже походка ее напоминала мою!

Очевидно, за пару недель слухи о престарелом хмыре со шкиперской бородкой, разгуливающем по университету и высматривающего девичьи лица, уже распространилась в студенческой среде. Девушка несколько раз с любопытством оглянулась на меня. Я проводил ее до дверей учебного корпуса. Дальнейшее было просто: в ближайшем киоске купил пачку газет и

занял позицию напротив выхода. Декабрь, подмораживало, но для человека, которому приходилось часами выслеживать возле проруби на тридцатиградусном морозе нерпу, это – сущая ерунда.

Через полтора часа перебрался вслед за «клоненком» к дверям другого корпуса, по дороге запасшись в ларьке при студенческой столовке сосиской в тесте и пластиковым стаканчиком кофе. Далее – по расписанию: марш-бросок к следующему корпусу, ориентир – бордовая шерстяная повязка на темно-каштановых, с рыжинкой, волосах. Оставалась сущая ерунда: еще полтора часа ожидания и прогулка по свежему воздуху вслед за худенькой фигуркой в сереньком пальто.

Но время вносит свои коррективы в планы: как и предполагалось, около часу дня объект моих наблюдений воодушевлено выскочил из массивных дверей альма матер, но вместо того, чтобы смиренно чапать домой или к ближайшей остановке общественного транспорта, девушка, попутно «ботая» по «мобиле», сноровисто шмыгнула в сторону автостоянки и уверенно нырнула в распахнувшуюся перед ней дверцу приземистого «Ауди» темно-вишневого окраса.

К такому обороту я был не готов. В мое время студентки на иномарках не ездили. Успел лишь запомнить номер автомобиля и разглядеть за рулем парня в какой-то особо разлапистой меховой шапке. Пришлось констатировать, что «клончик» у меня получился не промах, а встреча с ее мамой откладывается на неопределенный срок.

Впрочем, человек с научным складом ума и достаточным терпением может извлечь полезный результат из любого стечения обстоятельств. Проводив взглядом иномарку, заглянул в предбанник ректората, где без особого труда сопоставил график перемещений моей новой знакомой с расписанием занятий. Вычислить группу, в которой она учится, не составило большого труда. Утром девушка шла в корпус №7 – там в этот день начинали занятие 46 студенческих групп. В первый корпус, куда она направилась на вторую пару, из седьмого переместилось четыре группы. Из этих четырех третья пара в пятом корпусе, от дверей которого моя подопечная уехала на иномарке, была только в одной группе. Следовательно, в ней-то она и училась. Все очень просто, как дважды два – четыре.

Теперь с понедельника по пятницу в первой половине дня я мог найти ее в любую минуту, но это мало приблизило меня к первопричине моих поисков – к Оле-Гале-Вере. Оказывается, современные девушки ведут весьма светский образ жизни. В тех случаях, когда парень в разлапистой шапке не увозил ее на «аудимобиле» в неизвестном направлении, она то направлялась с подругами в студенческое «Кафе-мороженое» по часу щебетать о чем-то удивительно упоительном – насколько я мог судить, глянув мимоходом через витрину. То шла в спортивный комплекс с сумкой, из которой торчала массивная рукоятка теннисной ракетки – минимум, на полтора часа. Либо оседала в «фитнес-центре» – тоже не менее часа. Либо подряд первое, второе и третье с последующей потерей ее следов в сутолоке расплодившихся супермаркетов, в толкотне которых я совершенно не ориентировался.

Короче говоря, слежка за собственной дочерью (в том, что она – моя дочь, я уже совершенно не сомневался) оказалась довольно утомительным занятием.

Но и увлекательным! Согласитесь, что может быть более волнующим, чем прослеживать ту ариаднину нить, которую прокладывает по каменным джунглям современного города юная леди, и не просто юная, но симпатичная, умеющая себя подать, модная, причем эта девушка – ломтик родной мне плоти! И вокруг нее роятся подруги, молодые люди, взрослые мужчины! И мне поневоле приходится угадывать, какие отношения с кем из них ее могут связывать, кто из них может оказаться ее кавалером, женихом, другом? Прилагая свой собственный скудный опыт, примерять, насколько далеко могли зайти их отношения? Регистрировать то неожиданную холодность «аудивладельца», то старомодную куртуазность дядьки моих лет, разъезжающего на шикарном «мерине» и регулярно подбрасывающего ее к спорткомплексу – этот-то

куда лезет? Отмечать скользящий поцелуй-расставание с пареньком-однокурсником на троллейбусной остановке. Радоваться, видя, какой бодрой, радостной, оживленной выходит она из бассейна, и гадать, кто из них, из вьющихся вокруг нее самцов, вселил задор в эти веселые, с прищуром глаза, заставил зардеться щеки?

Оценивать, насколько повышает ее котировку новая куртка или сапожки, перехватывать взгляды других мужчин, то плотоядно обволакивающие магические линии ее бедер, туго обтянутых джинсовой тканью, то загорающиеся при виде ее мордашки! Честное слово, во время этих моих «розыскных мероприятий» часы летели для меня незаметно, и каждый вечер, подводя итоги своих изысканий, я радовался, как ребенок, если мне удавалось хотя бы на шаг приблизиться к ней ближе, чем вчера, или она взглянула на меня хоть чуточку добрее, либо не с такой презрительной гримаской ускользнула в переполненном зале супермаркета.

Конечно, мне было страшно неудобно. Она меня частенько замечала, и, заметив, глядела, мягко говоря, с недоумением. А один раз, нащупав взором в уличном потоке мою фигуру, неожиданно и с вызовом принялась целоваться со своим спутником прямо посреди улицы. Быстро взглядывала на меня и вновь демонстративно впивалась ошалевшему «аудивладельцу» в губы, наваливалась на него грудью, толкала коленками и с любопытством косилась на мою физиономию с отпавшей челюстью.

Если она в своих перемещениях по городу оставалась одна, то вполне предугадываемо и вполне успешно старалась от меня избавиться. Зимой рано темнеет; это обстоятельство приносило чисто визуальные трудности. Пришлось приноравливаться, изучать азы наружного наблюдения. К примеру, оказалось, что человек ведет себя достаточно нервно, если следовать за ним по его пятам по той же стороне улицы. Но стоит перейти на противоположную, как он успокаивается. И это наблюдение в дальнейшем мне очень помогло. И не только мне.

В тот вечер она возвращалась от подруги, жившей в старом, как сейчас принято выражаться, «депрессивном» микрорайоне: редкие прохожие, обветшалые стены хрущевских пятиэтажек, разбитые фонари и узкие тропинки между грязноватых сугробов. То и дело болтала по мобильнику и мела сумочкой на длинном ремешке свежевыпавший снег. Я шел по противоположной стороне улицы, вдоль покосившихся хибар частного сектора, где освещения не было совсем, и меня невозможно было заметить. Во всяком случае, «охотники за мобильниками» меня точно не увидели. Они выскочили, как чертята из табакерки, из-за какой-то будки, догнали ее сзади, толкнули в сугроб, один принялся душить шарфом, другой, отдирая пуговицы, рванул на ней пальто, обнажая беззащитно вскинутые коленки, начал поспешно обшаривать карманы, выхватил из рук мобильный телефон, метнулся прочь. Мне достаточно было лишь чуть-чуть ускорить шаг и перейти на другую сторону улицы, чтобы он с разбегу ткнулся сопливым рыльцем мне в грудь. Я неспешно поймал его за ухо и процедил:

– Быстро верни девушке трубку и извинись!

Видимо, за годы жизни на Севере в моей физиономии сформировалось какие-то такие черты, которые заставляют самых разнообразных людей призадуматься о суетности бытия. Недоумок по-щенячьи взвизгнул, дернулся, швырнул мобильник под ноги и, скользя кроссовками по обледенелому асфальту, засеменил прочь. Его напарничек отцепился от шарфа и пятился, патетически размахивая перед собой перочинным ножиком. Видимо, сильно впечатлился моими мордасами покорителя Арктики. Сцена получилась до постыдности пошлая, почти как в «Данди Крокодиле», – кино, которое я во время зимовок смотрел и пересматривал раз пять точно.

Я подобрал телефон и направился к девушке.

Когда та меня увидела, рот ее приоткрылся, и она подскочила так, словно из сугроба в нее плеснули кипятком.

– Не походите! – «ребенок-клонёнок» пятилась от меня, отступая вслед за своими недавними обидчиками и оглядывалась, тщательно регулируя дистанцию так, чтобы быть где-то на равных расстояниях от меня и от них.

– Да не бойся! – пробормотал я. – Не сделаю ничего плохого! – но в полутьме все три силуэта постепенно сливались воедино, превращаясь в маленькую настороженную стайку. Любопытная, наверное, со стороны картина! Хоть монументальное полотно пиши: «Конфликт поколений» или «Старое против нового». Более дурацкую ситуацию и придумать-то трудно. – Возьмите мобильник! – перешел на «вы», но вся троица лишь прибавила ходу.

Вдали, за перекрестком, начинали мельтешить гирлянды огней большого городского проспекта. Мы так и шли целый квартал: я с мобильной трубкой в вытянутой руке, шагах в десяти передо мной, пятясь вполоборота и загребая высокими каблуками снег, девушка, а еще шагах в пяти за нею – оба недоумка, часто и недобро оглядываясь.

Уже вблизи проспекта, когда я попытался сократить дистанцию, девушка отчаянно пискнула:

– Я буду кричать! – подбежала к проезжей части и принялась голосовать. Юных и одиноких дамочек подсаживают охотно. Я даже не успел второй раз предложить ей забрать мобильник. Оба шпаненка, еще раз «сфотографировав» меня зыркалами, ссутулились и нырнули в темный провал какого-то переулка. Я опять остался один, с холодным телефоном в озябшей руке.

Очевидно, моя пинкертоновская деятельность привела-таки к легкой простуде. Приехав домой, почувствовал озноб. Кутаясь в плед, в пустой и холодной квартире, не включая свет, грел чайник и размышлял над тем, осталась ли у меня хотя бы ложка малинового варенья. Мобильник в кармане куртки раза три проверещал первые такты популярной мелодии прежде, чем я понял, что это – вызов.

– Почему вы меня преследуете? – хрипловато каркнуло самсунговское устройство.

– С чего вы взяли? Никто вас не преследует!

– Послушайте! Вы мне в отцы годитесь, если не в дедушки! Зачем вы таскаетесь за мной вторую неделю?

– О чем вы? Это какое-то недоразумение! – когда надо, я умею делать «морду кирпичом».

– Не держите меня за лохушку! Неужели вы думаете, что я слепая?

– Ничего я не думаю! Заберите свою трубку!

– Я не хочу вас больше видеть! Вы меня достали, слышите, вы?!

– Отлично! Скажите мне адрес, я вам вышлю мобильник почтой.

– Не хватало мне, чтобы вы меня еще и у подъезда стерегли! Отдадите завтра в каком-нибудь людном месте!

– В каком? – вполне безразлично переспросил я.

– Ну, скажем… – безразличный тон немного охладил пыл моей собеседницы, и после некоторого колебания «клончик» назвала студенческое кафе возле университета: – В половину второго пополудни!

– О кей! – буркнул ей в ответ, резким нажатием кнопки с перечеркнутой трубкой давая понять, что не люблю разговоров в таком тоне.

«Фламенко» во времена моей юности было самым обычным кафе. Мы бегали туда после занятий почавкать «тошнотиками» с чаем, когда неохота было толкаться в очереди в студенческой столовой. Сейчас внутренность этого заведения отделали розовыми панелями, поставили барную стойку и разрешили курить. В результате этих нововведений заведение перешло в разряд престижных. Во всяком случае, в обеденный час здесь имелись пустые столики; только две или три шикующих молодежных компании вразнобой гомонили, сидя возле заставленных жестяными банками столов.

Я пристроился возле стойки и заказал чашечку кофе. В голове было пусто, и как ни старался продумать линию предстоящего разговора, ничего дельного на ум не приходило.

Девушка-клон прибыла почти без опоздания, кивнула кому-то в зале и прошла прямо ко мне. Я молча выложил телефон на стойку.

– Спасибо! – взгляд девушки в этот момент мог бы опрокинуть бронированный сейф. – Вчера вы меня очень выручили!

– Ерунда! Часто с вами такое приключается?

– Не знаю. Обычно я стараюсь одна по таким тмутараканям не ходить.

– Значит, вам все-таки повезло, что вы оказались не одна. Кофе хочешь? – я светски-небрежно перешел на «ты» и сам удивился, насколько это у меня естественно получилось. В студенческие годы в таких случаях страшно тушевался.

Сработало: девушка присела на соседний табурет, пальто на ней распахнулось, я невольно взглянул на ее ноги – на ней была очень короткая юбка, почти не скрывающая стройных, в меру и красиво «накаченных» бедер. Еще пара чашечек каппучино стоила мне последних сбережений.

– Если честно, мне совсем не нравится, что вы меня выслеживаете, – уже не так уверенно пробормотала моя визави. – Вы думали хотя бы о том, что я могу, скажем, пожаловаться в полицию?

– Нет! – мне такой вариант действительно не приходил в голову. Но на всякий случай вернулся к обращению на «вы»: – С какой стати вам на меня жаловаться? Наверное, вы просто немного мнительны. Правда, и я обратил внимание на вас. За последние дни вы попадались пару раз мне на глаза. Но, как видите, не закатываю из-за этого истерики, – не ошеломлять же с ходу эту девчонку признаниями о своем гипотетическом отцовстве и не выкладывать ей «сказания старины далекой» про то, с какими муками в далекие постперестроечные времена застенчивые «ботаны» расставались с застарелой девственностью? Придет время, сама все поймет. А то, чего доброго, действительно сочтет меня за шизофреника. – Рад, что все так хорошо обернулось, – вынес я резюмирующее постановление. Принесли кофе, девушка настороженно поднесла чашечку к губам и, таким образом, можно было не бояться, что она немедленно схватит телефон и укоздыляет прочь на своих длинных красивых ногах.

– Извините, если я вчера говорила слишком резко. Вы действительно можете испугать кого угодно. Ночью, откуда-то из подворотни! С таким лицом! Вы перепугали даже этих отморозков! – она хихикнула. «А какое лицо должно быть у отца, когда он видит, как убивают его дочь?» – чуть было не выпалил я, но взамен этого с налетом кокетства промямлил:

– Неужели я такой страшный?

– Еще бы! Ну, не страшный… Но, такой, впечатляющий! Как они побежали! Ой, что это?

– Морская свинка, – пушистый зверек отогрелся в нагрудном кармане моей куртки и высунул любопытную мордочку у меня из-за пазухи. – У нас на станции юннатов за долги отключают отопление, и я перетаскиваю всякую живность к себе домой, чтоб не вымерзла, как мамонты.

– Так, значит, вы не маньяк?

– Нет, конечно! Всего лишь методист-натуралист, вожусь со всякой живностью, заготовленной для биологических штудий школоты нашим министерством образования…

– Извините! – в голосе ее наконец-то послышалось облегчение. – А я, честное слово, решила, что вас, как бы, интересуют девушки. Понимаете, есть такие мужчины… В общем… Ну, их не просто интересуют, – замялась моя визави, и я не упустил шанс чуточку подтрунить над ней:

– Экая же вы романтичная особа!

– Не смейтесь надо мной! А почему вы их за пазухой перетаскиваете, а не в клетках?

– А как же еще? Мороз! Если в клетке нести, то они сразу простудятся и погибнут!

– А вы дадите мне ее погладить?

– Ради бога! – я выгрузил грызуна на стойку и отпустил в распоряжение девичьих лап.

– Прелесть! И много их у вас еще?

– Шесть штук. Попугаев с осени раздали на зиму кружковцам, а хомяки и свинки, как мы понадеялись, перезимуют и так.

– А мне вы пару штучек на зимнее хранение можете выдать? А я взамен помогу перевезти их всех разом, в теплой машине.

– Запросто!

Моя собеседница ухватилась за телефон и принялась названивать, видимо, тому самому парню в разлапистой шапке, но через пару минут отложила трубку немного обескураженная. Надо так полагать, «аудивладелец» еще не был настолько приручен, чтобы предоставлять продукцию германского автопрома для перевозки четвероногой живности – в его годы предпочитают двуногую.

– Все равно мы вам поможем! – заключила юная почитательница природы. – Когда можно будет забрать у вас парочку свинок?

– Да хоть сейчас. Отсюда до нашей станции пять минут хода, – мы допили кофе и отправились ко мне на работу.

Станция юннатов располагалась посреди полузаброшенного сада, по-декабрьски одетого в иней и снеговую опушку, и когда мы вошли в калитку, моя спутница только ахнула:

– Как здорово! У вас тут кино снимать можно! – она забежала вперед и, запрокинув голову, стряхнула себе на лицо несколько роскошных хлопьев снега с ближайших веток. – «Зимняя сказка», или что-нибудь еще в этом роде, – и лишь поднявшись на крыльцо нашей конторы и по какому-то особому, свойственному только пустым, брошенным домам эху уловив, что внутри никого нет, обернулась ко мне и коротко хохотнула:

– Вот я и попалась! Заманил-таки! – и, не дожидаясь моего ответа, уверенно потянула на себя ручку двери.

– Просто у нас обед, – успокоил я ее, не уточнив, что на зиму методический штат станции сокращается до минимума.

Пока Ирина любовалась нашим мини-дендрарием и тормошила длинным пальцем с кроваво-алым ногтем полусонных хомячков в клетке, я изобразил из себя серьезного дядечку. Сел за стол и начал линовать страничку в ежедневнике, старательно делая вид, что меня вовсе не волнуют ни она сама, ни каблучки ее ботиков, цокающие по крашенным деревянным половицам, ни стройные, мускулисто рельефные лодыжки, затянутые в золотящиеся колготки, ни звонкий голосок, щекочущий где-то возле самого сердца…

Когда моя новая знакомая вдоволь продемонстрировала свою любовь к природе, я выдал ей двух морских свинок, записал в специально расчерченную ведомость (не даром же я изображал серьезного дядечку!) ее адрес, и проводил до остановки.

Наверное, мог бы напроситься в гости – показать, как надо обустраивать морских свинок в жилом помещении. Благо отношения к концу посещения станции у нас сложились вполне дружественные. Но не решился. Наверное, испугался, что она почувствует, распознает своим женским нутром, что благоустройство морских свинок – лишь предлог! И я – совсем не тот зацикленный на флоре и фауне чудак, которого изображаю из себя.

Точнее, не только зацикленный чудак. Если уже не распознала – больно уж звонко стучали ее каблучки по половицам, слишком уж артикулировано щебетала она возле клеток с хомяками!

Да и что мне даст визит на дом? Мама ее днем наверняка на работе, а любая неловкость, неточность вновь могут возбудить подозрительность и разрушить всю комбинацию. Лучше уж завтра, часикам к восьми утра, когда Иринка будет уже в университете, отправлюсь к дому, в

котором она живет, и как бы случайно встречу Олю-Галю-Веру, когда та пойдет на работу. То-то «ребенок-клонёнок» удивится, когда узнает, кто я такой на самом деле!

А то: «Почему вы меня преследуете?» – рассуждая подобным образом, представлял себе, как мы будем заново знакомиться, и о чем будем говорить, и насколько это будет смешно, весело и трогательно, и с некоторым удивлением отметил, что думаю в большей мере уже не о Гале-Вере-Оле, а об Ирине. Но тут же решил, что это вполне естественно. В конце концов, с Ириной мы уже почти что подружились, а как меня встретит ее мама?

Совершенно неизвестно… Даже страшно. Наверное, я перед нею сильно виноват. Во всяком случае, с женской точки зрения. И с моей – тоже. Очень сильно.

Однако оказалось, что встретить Олю-Галю-Веру мне не судьба. Все-таки одно дело – гоняться по торосам за тюленями, другое – часами топтаться на слякотной, насквозь пропитанной выхлопными газами улице у входа в какое-нибудь бар-кафе или фитнес-клуб. Наутро у меня поднялась температура под сорок, и я слег. В принципе, конечно, никакой особой проблемы я не видел: обычный чай с малиной поднимает меня в таких случаях на ноги за три дня. Буду как огурчик!

Причем выяснилось, что внезапная хвороба вовсе не лишила меня прелестей светского общения. Не успел я как следует обложиться подушками, пледами и грелками и задремать, как в дверь позвонили. Кляня на чем свет стоит соседку, повадившуюся ходить ко мне со сломанными утюгами, метнулся в прихожую. Однако в дверном проеме с вытаращенными глазами маячила, кто бы вы думали? – Ирина.

– Я заходила к вам на станцию, но мне сказали, что вы заболели! И телефона у вас нет! Дали этот адрес! Что-нибудь случилось? Это не из-за меня? Мы так долго вчера стояли на остановке! А еще я подумала, вдруг та шпана…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.